

— Дедушка Чэнь!

Горшочек начал радостно звать старика еще на подходе к его маленькому дворику, обнесенному низким забором:

— Дедушка Чэнь! Дедушка Чэнь! Горшочек пришел!

Старый ученик Чэнь, вытирая на ходу руки, вышел из дома. Морщинки в уголках его глаз весело собрались в лучики:

— Пришли наконец? Ну, заходите скорее!

Он глянул за спины братьев и, заметив незнакомого юношу рядом с Вэй Чэном, с любопытством спросил:

— А это кто же с вами?

Ли Синцянь, помня о приличиях, шагнул вперед и почтительно сложил руки в приветствии:

— Позвольте представиться, младший зовется Ли Синцянем. Я — соученик Вэй Чэна и Горшочка. Простите за мой незваный визит, почтенный старец.

Чэнь-лаотуншэн окинул взглядом его добротное платье, припомнил фамилию и, быстро сообразив, из какой тот семьи, лишь коротко кивнул:

— Ничего, гостю всегда рады.

— Дедушка Чэнь! — Горшочек подбежал к старику и, обхватив его за колени, задрал сияющее личико. — Горшочек сегодня... научился рисовать бамбук!

Старик притворно удивился:

— Ого! Только-только лотосы освоил, а уже и за бамбук принялся?

— Вот тут! — Малыш выудил из рукава бумажный свиток и с величайшей осторожностью развернул его. — Смотрите!

Взглянув на рисунок, старый Чэнь едва сдержал смех. Если у других мастеров бамбук выглядел

как стройный и благородный муж, то у Горшочка три бамбуковых коленца вышли под стать самому автору — пухлыми и приземистыми. Листья, разбросанные тут и там, больше походили не на зелень, а на плоды, невесть как оказавшиеся на стебле.

И впрямь: маленький пухляш нарисовал маленький пухлый бамбук.

Мало того, в нижнем углу листа, где положено ставить авторскую печать, вместо оттиска красной тушью красовался маленький отпечаток ладошки, выпачканной в чернилах. Вид у рисунка был такой, будто преступник поставил свою подпись под чистосердечным признанием.

— Дедушка Чэнь, красиво Горшочек нарисовал? — Малыш во все глаза преданно смотрел на старика.

— Хорошо, — улыбнулся тот. — Очень хорошо вышло.

Мальчик радостно вскрикнул и принялся так же бережно сворачивать бумагу:

— Тогда спрячу. Буду продавать, деньги копить.

Он уже наслушался от старших учеников историй о том, как на юге многие талантливые мужи живут тем, что продают свои картины.

Старый Чэнь невольно вскинул брови:

— Может, тогда дедушке и продашь?

Малыш замер, не выпуская свиток из рук. Нахмутив бровки, он решительно мотнул головой:

— Не-а.

— Это еще почему? — искренне удивился старик.

Горшочек подошел поближе и, приподнявшись на цыпочках, зашептал ему на ухо с самым деловитым видом:

— У Горшочка пока только один бамбук есть. Если продать его кому-то другому, можно выручить много монеток. На них Горшочек купит много-много бумаги и туши, нарисует еще и снова заработает. Учитель говорит, если Горшочек будет много стараться, то станет рисовать не хуже него. Вот тогда Горшочек и подарит дедушке самую лучшую картину. И у дедушки будет красота, и у Горшочка — много денежек.

Малыш еще слова-то не все выговаривал правильно, а уже смекнул, что редкая вещь стоит дороже. Истинный маленький стяжатель.

— Но ведь Горшочка никто не знает, — возразил Чэнь-лаотуншэн.

Пухляш гордо выпятил грудь:

— Горшочек же... Маленький Небожитель!

Старик подумал, что если этому мальцу и впрямь доведется когда-нибудь торговать своими работами, его сообразительная головка точно найдет способ заставить людей раскошелиться.

— Ну ладно, ладно, — рассмеялся старый Чэнь. — Раз Горшочек у нас в будущем станет великим мастером, чьи картины стоят тысячи золотых, то и дедушка погрееется в лучах его славы.

Малыш с важным видом кивнул, подражая взрослым:

— Погреешься, погреешься.

Старик ласково потрепал его по голове и повернулся к старшим:

— Идите в дом, чего на пороге стоять. Я как раз велел принести вам из ресторации угощение.

Каждый раз, когда братья приходили учиться счёту, старый Чэнь готовил для них сладости. Вэй Чэн и Горшочек чувствовали себя неловко из-за такой доброты, а потому старались отплатить чем могли: каждое утро подметали двор, чистили шкуры, приносили старику свежую капусту или огурцы с огорода. Но от этого дедушка Чэнь, казалось, лишь сильнее хотел их побаловать.

Войдя в комнату, они увидели на столе блюдо с четырьмя белоснежными, похожими на витые ракушки десертами.

— Это же... — ахнул Ли Синцянь. — Те самые молочные ракушки!

Горшочек оперся ладошками о край стола и, округлив глаза, восхищенно выдохнул.

— Сегодня как раз двадцать восьмое число, — пояснил старый Чэнь. — В ресторации только по этим дням их и готовят. Вот я и попросил братца Ци придержать для вас порцию.

Братец Ци был тем самым помощником из заведения, с которым старик водил дружбу.

Вэй Чэн, только недавно слышавший от Ли Синцяня о том, как трудно раздобыть это лакомство, покачал головой:

— Дедушка Чэнь, вы снова на нас тратитесь...

Старик велел и Ли Синцяню угощаться, но тот, как ни уговаривали, к еде не прикоснулся. Он-то привык к подобным яствам дома, а это угощение предназначалось братьям Вэй, и забирать у них кусок гость считал выше своего достоинства.

— Вот ведь совпадение, — улыбнулся юноша. — Я как раз хотел позвать их сегодня в ресторан, да они наотрез отказались — говорят, учёба важнее.

— Эти двое — прилежные ученики, — с гордостью подтвердил дедушка Чэнь. — А ракушки эти, хоть и кажутся простыми — молоко да сахарная пудра, — требуют великого мастерства и терпенья. Не зря их называют лучшим вкусом в Поднебесной.

Горшочек аккуратно зачерпнул кусочек ложкой. Едва нежная сладость коснулась языка, его глаза расширились от восторга:

— Вкусно-то как!

Вэй Чэн тоже попробовал и замер: во рту остался тонкий, нежный аромат молока и сахара, который, казалось, не желал исчезать.

Видя, с каким аппетитом едят братья, старый Чэнь довольно улыбался. Он искренне привязался к ним. Старший был рассудителен и заботлив: и двор подметет, и воды в чан натаскает. Младший же — сущий ангел, ласковый да смысленый, а уж к счёту талант у него был необычайный. Сам старый Чэнь в молодости заключил союз клятвенных братьев с одним мужчиной, но тот давно покинул этот мир, и с тех пор старик жил бобылем. Своих детей у него не было, учеников он тоже не брал, и все его умения, накопленные за годы торговли, передать было некому. Встретить на склоне лет таких детей было для него истинным счастьем.

Покончив с угощением, Горшочек вытер рот и уже потянулся за своим абаком, но старый Чэнь остановил его:

— Сегодня, малыш, мы не станем считать на костяшках.

— А что же будем делать? — опешил малец.

— Сегодня будем учиться распознавать серебро.

Старик посерьезнел:

— И пусть сейчас вы только дровами да овощами торгуете за медные гроши, придет день, когда в ваших руках окажутся ценные товары. И тогда вы не должны дать себя обмануть, не отличив настоящий слиток от подделки.

Он обвел взглядом притихших учеников.

— Негодяи часто выдают олово за серебро. За долгие годы странствий я навидался всякого. Пока бедняга-торговец поймет, что его обвели вокруг пальца, мошенника уже и след простыл. Судьи помочь не могут, и человек в одночасье теряет всё. Богатому семейству такая потеря — что укус комара, а для мелкого лавочника это погибель. Коли он взял деньги в долг под залог товара и был обманут, то либо сгинет на чужбине, либо, вернувшись, вынужден будет продавать в рабство жену, дочь или сына-гээр... Семьи рушатся, жизни ломаются — горе одно.

Он поведал им несколько историй о несчастных купцах, и Горшочек, гневно сжав кулачки, выпалил:

— Плохие люди!

Вэй Чэн тоже не скрывал возмущения:

— Как же можно так подло поступать?

Он только сейчас в полной мере осознал, как им повезло встретить в аптеке честную управляющую Чжун.

Даже Ли Синцянь, никогда не знавший нужды, слушал с тревогой, втайне опасаясь, как бы и его родные не попались на такую удочку.

Увидев их лица, дедушка Чэнь кивнул:

— А потому, какое бы дело вы ни затеяли, будьте настороже. Не давайте себя обмануть. А теперь слушайте, как отличить правду от лжи...

Он достал из поясного кошелька два серебряных слитка и предложил каждому определить, какой из них настоящий.

Ли Синцянь первым коснулся одного из них:

— Этот — настоящий!

Старый Чэнь лишь мельком глянул на него:

— Ошибся.

— Как так? — опешил юноша.

В это время Горшочек взял второй слиток, поднес к самому носу и, смешно сморщившись, выдал:

— Воняет. Это не серебро.

— Да быть не может! — воскликнул Ли Синцянь. — Почтенный старец сказал, что один из них — фальшивка. Раз первый — подделка, значит, этот точно настоящий!

Брат взял слиток из рук Горшочка и принялся его вертеть. Он верил малышу, но как ни вглядывался, не мог найти отличий от тех слитков, что лежали у них дома.

— Горшочек прав, — с нескрываемой гордостью подтвердил дедушка Чэнь. — Оба этих слитка — фальшивые. Но первый — самый грубый подлог.

Ли Синцяню стало неловко: он ведь каждый день расплачивался серебром, а выбрал худшую подделку.

Старик взял тяжелую железную ложку и с силой провел по первому слитку. На светлом боку тут же осталась черная полоса, под которой проступил тусклый, белесый металл.

— Золото, серебро, медь, железо и олово... — вздохнул Чэнь-лаотуншэн. — Олово — вещь копеечная, за деньги его и не считают.

Вэй Чэн протянул ему второй слиток:

— Дедушка Чэнь, а с этим что не так?

— А в этот внутрь залили свинец, — пояснил старик. — Я получил его еще в молодости, на востоке. Всегда был осторожен, да вот и сам попался. По весу и на вид — чистое серебро, и только со временем я понял, в чем подвох. Свинца там всего ничего, но серебро уже не «цветочное».

Ли Синцянь, разинув рот, посмотрел на Горшочка, который сидел смирно, сложив ручки на столе.

— Но... как ты это понял?

— По запаху! — простодушно ответил малец.

Старый Чэнь не сдержал восхищенного возгласа:

— О людях, способных почуять подделку за версту, я только в легендах слышал. Говорят, сто лет назад жил один великий купец, богаче самого императора, так он с трех лет золото от серебра по запаху отличал. Не думал я, что такой талант снова явится миру, да еще и в нашем доме.

Он вернулся к уроку, стараясь, чтобы ученики запомнили каждое слово:

— Запоминайте крепко-накрепко. У чистого серебра в слитках на поверхности всегда виден узор, похожий на золотые цветы. Если проба хуже — цветы зеленые, совсем плохая — черные. Потому и зовут его «цветочное серебро».

— Сначала определите пробу на глаз, — продолжал он. — Свинец от легкого трения чернеет и легко крошится. Если в серебро добавили медь, то при нагревании оно покраснеет, и разрубить его будет непросто. Олово же при падении на землю издает глухой, бессильный звук, а на месте разлома будет видна серая пыль...

Рассказывая об искусстве распознавания серебра, старый Чэнь переплетал наставления с историями из своих странствий. Все трое слушали, затаив дыхание, и в этот миг каждый в душе мечтал стать грозным стражником, чтобы ловить таких мошенников на месте.

Когда урок подошел к концу, старик негромко сказал:

— Завтра я уезжаю с караваном в город Ючжоу. Вернусь через месяц, а может, и через два.

Горшочек тут же поник, глаза его покраснели.

— Не хочу, чтобы дедушка уезжал... — прошептал он, поджав губы.

У самого Чэня на сердце заскребли кошки. С тех пор как не стало его брата, он всегда был вольной птицей — захотел, собрался и уехал. А теперь вот из-за просьбы маленького мальчишки на душе стало горько.

Он ласково погладил Горшочка по голове:

— Ну-ну, милый. Дедушка постарается вернуться поскорее.

Затем он достал две книги. Одну протянул старшему:

— Чэн, ты говорил, что учишься писать в стиле Гун Лю. По чистой случайности у моего брата сохранилась эта книга прописей. Возьми её и тренируйся как следует.

Вэй Чэн бережно принял дар:

— Благодарю вас, дедушка Чэнь. Я всё исполню.

Вторую книгу старик отдал Горшочку:

— А здесь я годами записывал правила и стихи для счёта на абаке. Ты грамоты пока не знаешь, так пусть брат тебе читает. Ты у нас малый смышленный, думаю, к моему возвращению всё вызубришь.

Горшочек прижал книгу к груди:

— Горшочек выучит! Честное слово!

Вспомнив о чем-то, он вытащил из рукава свой рисунок с пухлым бамбуком и торжественно вложил в руки старику. Тот уже приготовился растрогаться, но Горшочек серьезно проговорил:

— Дедушка, ты говорил, что город Ючжоу — большой-пребольшой. Спроси там, может, кто захочет купить картину Маленького Небожителя?

Глаза малыша азартно блеснули:

— Заработаем серебро — тебе семь частей, а нам с братом три!

Старый Чэнь рассмеялся и легонько щелкнул его по лбу:

— Ах ты, маленький стяжатель! Ладно, поспрашиваю.

***

Когда они покинули дом Чэнь-лаотуншэна, Вэй Чэн шел молча, погруженный в свои мысли, а вот Ли Синцянь никак не мог успокоиться. Он тараторил без умолку, пересказывая всё услышанное. Горшочек, будучи тем еще болтуном, живо ему поддакивал — так они и проговорили всю дорогу.

После такого интересного урока, полного опасных историй и тайн, неловкость между ними окончательно исчезла. Узнав, что братья собираются в деревню, Ли Синцянь навязываться не стал, но перед уходом с надеждой спросил:

— А когда дедушка Чэнь вернется... можно мне будет прийти с вами на занятия? Я и подношения учителю принесу.

Вэй Чэн понял, что юноша просто увлекся рассказами старика. Улыбнувшись, он напомнил:

— Прийти-то можно, отчего же нет. Только учти: дедушка учит в основном счёту на костяшках, а истории про торговые караваны рассказывает редко.

Ли Синцянь на миг замялся — больше всего на свете он боялся именно счёта.

— Ну... а если я буду заглядывать не каждый раз, а изредка?

— Тогда в самый раз будет, — рассмеялся юноша.

Они зашли в лавку, забрали бальзам и циновки. Купили десяток яиц за тридцать вэнь, а напоследок Вэй Чэн решил побаловать брата сладостями. У кондитерской толпился народ.

Расспросив помощника, они узнали, что мастер придумал новое угощение — пирожное «Просвечивающий цветок» по пять вэнь за штуку. Название говорило само за себя: начинка из фасоли была уложена в форме изящного цветка, а сквозь тонкое, нежное и полупрозрачное тесто из клейкого риса проглядывал мягкий фиолетовый оттенок. Зрелище было на диво приятным.

Старший брат купил Горшочку четыре штуки, отдав за них двадцать вэнь. Так сотня монет, взятая из дома, и разошлась без остатка. Хорошо еще, что в его книжном коробе всегда лежало немного медной мелочи на дорогу.

***

Пока братья ели пирожные в повозке, возвращаясь в деревню, Ли Синцянь с гордым видом созвал в своем поместье всех служанок и нянек. Напустив на себя важности, он принялся хвастать перед ними своими новыми знаниями о распознавании серебра.

Старая госпожа Ли и матушка юноши, Мо-ши, некоторое время наблюдали за ним из-за двери, а потом тихонько отошли. Мо-ши поддержала свекровь под руку и с улыбкой проговорила:

— Матушка, и впрямь — в нашем доме без вашего мудрого слова ничего не делается. Посмотрите на Синцяня: всего несколько дней прошло, а он уже не о гулянках думает, а о деле рассуждает. Вернется его старший брат — и не узнает нашего шалопая!

Ли-лаофужэнь довольно приняла похвалу:

— Эти братья мне с первого взгляда по сердцу пришлись. Даже без моей помощи они бы нашли способ в люди выбиться. Я лишь одного хочу: чтобы наш Синцянь водил дружбу с достойными людьми и учился у них уму-разуму.

Вспомнив слова учителя Чжугэ о таланте и необычайном трудолюбии Вэй Чэна, она задумчиво добавила:

— Дружба, завязавшаяся в нужде, — самая крепкая. Если Синцянь и впрямь с ними сойдется, то в будущем, пусть и не станет великим мужем, зато сбережет семейное дело под их крылом.

Мо-ши согласно кивала, но про себя сомневалась: то, что её младший сын не блещет талантами — правда, да и старший брат с невесткой его в обиду не дадут. Но эти деревенские братья... неужто они и впрямь так сильны? Неужто старший метит в чжуаньюани?

***

Вернувшись домой, Вэй Чэн первым делом напоил и накормил кур и ослика. Затем он зашел в загон и соорудил из десятка заточенных длинных кольев ограду, окончательно отделив трех петухов от двенадцати кур. В последние дни петухи совсем распоясались — так и норовили клюнуть бедных несушек, у которых перья на спинах уже начали выпадать клочьями.

Закончив с делами, он тщательно вымыл руки и лицо и принялся за ужин. Горшочек, с трудом удерживая на руках подросткового волчонка, семенил за ним по пятам:

— Братик, а что мы будем кушать?

— Лапшу сегодня сварим, — ответил Вэй Чэн, насыпая муку.

Малыш радостно подпрыгнул:

— Горшочек любит лапшу!

— А яйца любишь? — улыбнулся юноша, разбивая два яйца для соуса.

— Люблю!

— А огурчики свежие?

Горшочек смешно закивал головой:

— И огурчики люблю, всё-всё люблю!

— Вот и ладно. Будет у нас сегодня лапша с огурцом и яйцом.

Раскалив масло в котле, Вэй Чэн быстро обжарил мелко нарезанные огурцы, влил полмиски воды и принялся тонкой струйкой вливать взбитые яйца, помешивая их. Когда отвар закипел, он добавил щепотку крахмала для густоты. Вскоре по дому поплыл аппетитный аромат густого и нежного соуса.

Малыш и волчонок Синьэр сидели рядышком, одновременно поводя носами.

— Как вкусно пахнет! — шепнул кроха своему зверю. Синьэр согласно твякнул в ответ, будто и впрямь понял человеческую речь.

***

Едва братья закончили обед, у ворот послышались голоса. Выйдя на крыльцо, они увидели Доумяо, заметно почерневшего от загара, в компании Ли Саньлана и братца Цю.

Вэй Чэн поспешил навстречу гостям. Ли Саньлан сразу направился к черному ослику и обернулся:

— Чэн, собирайся! Плотник велел передать, что доски для тележки готовы. Сейчас поедем, соберем всё и научу тебя управлять упряжкой.

— Вот спасибо! — обрадовался юноша. — Сейчас, только соберусь.

Вдруг Горшочек со всех ног бросился в дом и выбежал обратно, неся в руках сегодняшние пирожные. Протянув их Доумяо и братцу Цю, он тоненьким голоском проговорил:

— Братец Доумяо, братец А-Цю, кушайте!

На обратном пути малыш не удержался и съел полтора пирожных, остальное отдал брату, но Вэй Чэн не очень любил сладкое и липкое, так что едва уговорил остаток.

Друзья поначалу отказывались, но Горшочек надул губы:

— Коли не возьмете, Горшочек обидится!

— Берите-берите, — усмехнулся Вэй Чэн. — Уж если он упрямится — не отвяжется.

Парни взяли по куску. Доумяо в два счета проглотил лакомство и только причмокнул:

— Ну и вкуснятина!

— Тебя в последние дни и не видно было, — заметил юноша. — Куда вы с дядей Ма уезжали свиной бить?

— Были в деревнях Фэнмяо и Цзяншуй. Работы навалилось столько, что ночевали у родни. Затемно вставали — затемно возвращались. Свободной минутки не было.

Доумяо заметно повзрослел, а когда заговаривал о работе, его глаза загорались:

— Зато многие хвалили, говорили — справляюсь не хуже отца!

— Тебе ведь всего девять, — напомнил Вэй Чэн. — Смотри не перетрудишься, здоровье важнее.

Доумяо оглянулся по сторонам и, убедившись, что Горшочек и братец Цю заняты игрой с волчонком, тихо шепнул другу:

— Нельзя мне отдыхать. Матушке нездоровилось, возили её в город к лучшему лекарю. Сказали — двойню ждет! Представляешь, сколько теперь денег в семье понадобится?

— Вот так новость! Радость-то какая. Ничего, сейчас поработаешь, а потом младшие подрастут и станут тебе плечи разминать.

— Да разве ж я им дам? — хмыкнул Доумяо. — А ты бы Горшочку позволил себе спину мять?

— Ни за что на свете, — улыбнулся юноша. — Мал он еще.

Друг шутливо толкнул его локтем:

— То-то же!

Он расспросил Вэй Чэна об учёбе. В деревне уже всю судачили, что тот поступил в самую школу Хуэйлинь и даже ослика купил — многие кусали локти от зависти.

— Слушай, — вспомнил Доумяо, — на Праздник двойной пятёрки у вас будут занятия?

— Вроде как должны быть выходные. А что?

— Говорят, в самой чаще горы Маоси нашли столетний женьшень. Многие уже снаряжаются. Деревенские мужики и охотники собираются в отряд, отец и меня берет. Вот я и подумал —

может, ты с нами?

— Столетний женьшень? — удивился Вэй Чэн. — Откуда такие слухи?

— Лекарь Цяо на днях в горы ходил с людьми, так они его видели. Только поймать не успели — говорят, «убежал». Тогда в горах много чужаков было, вот они и молчали, а как домой вернулись — решили своих позвать.

Доумяо восхищенно прицмокнул:

— За такой корень сотни лянов дадут! Отец говорит — если найдем, на всю деревню поделим. Кажждому по несколько десятков выйдет! Представляешь? Нам с отцом столько свиней за всю жизнь не перерезать!

Он помолчал и добавил:

— Только вот если пойдешь, малого с собой нельзя — не позволят. Можешь оставить Горшочка у моей матушки на пару дней, ей всё равно дома одной скучно.

— Горшочек без меня не сможет, — покачал головой юноша. — Идите лучше без меня. Я сейчас овощи посадил, кур завел — на жизнь хватает. А если Горшочек разволнуется да заболит, никакое золото не поможет.

Доумяо глянул на малыша и понимающе кивнул:

— И то верно.

Малец и впрямь не спускал глаз с брата — даже играя с А-Цю, то и дело оглядывался, проверяя, на месте ли Чэн.

Тем же вечером, приладив к ослику новую тележку и расплатившись с мастером, Вэй Чэн принялся учиться управлять упряжкой под присмотром Ли Саньлана. К закату он уже уверенно держал вожжи.

***

Глубокой ночью, когда Горшочек уже сладко спал, юноша всё еще сидел за книгой, выводя иероглифы. Внезапно небо расколол удар грома. Порывистый ветер ворвался в щели маленькой хижины, и фитилек в лампе «Золотой дракон» тревожно заплясал.

Вэй Чэн с опаской поглядел на крышу.

«Лишь бы не ливень... — подумал он. — Старая солома не выдержит, а денег на новый дом мы еще не накопили»

<http://bllate.org/book/15346/1412915>